

Ю.Д. Абаева

DOI 10.25693/SVGV.2022.39.2.009

УДК 811.512.31'373

Лексические интенсификаторы в бурятском языке

Научная новизна. Статья представляет собой одно из первых специальных исследований лексических средств выражения категории интенсивности в бурятском языке с точки зрения функционально-семантического подхода.

Цель исследования – анализ лексических средств, принадлежащих разным частям речи, объединенных функцией выражения интенсивности в бурятском языке. *Задачи* исследования: установление семантического поля категории интенсивности; выявление и систематизация лексических средств выражения, входящих в поле исследуемой категории; выявление способов образования и анализ значений слов-интенсификаторов; решение некоторых спорных вопросов частеречной принадлежности слов-интенсификаторов.

Методы исследования: описательный, методы полевого структурирования, частеречного, морфологического и семантического анализа.

Результаты. Было выявлено, что наиболее частотным интенсификатором в бурятском языке является слово *ехэ* ‘большой, очень’; частотно образование интенсификаторов из эмотивных прилагательных, зачастую с отрицательной семантикой (*муухай гоё* ‘страшно красивый’); прилагательных цветообозначения (*хара* ‘черный’, *хүхэ* ‘синий’, *улаан* ‘красный’); прилагательных и причастий с отрицательным аффиксом *-гуй* (*аргагуй* ‘очень’, *үзэгдөөгүй* ‘невиданный’), который придает значение отрицания вменяемости, разумности, границ. Наречия-интенсификаторы образуются из деепричастий степени действия на *-хыса*, *-са* (*шадахыса* ‘изо всех сил’, *ялайса* ‘до блеска’), деепричастий предела на *-тар* (*унатар* ‘до упаду’); числительных, выражающих неопределенную множественность (*дала мянган алаяһан* ‘множество (букв. семьдесят тысяч) мух’). В качестве интенсификаторов могут выступать местоимения (*ямар* ‘какой’, *шимэ / тиимэ* ‘такой’, *хэды* ‘сколько’) и существительные (*шулуун хатуу* ‘твердый, как камень’). Многофункциональная частица *-л / лэ* может как усиливать значение интенсификаторов, так и выступать в роли усилителя самостоятельно (*түргөөр лэ* ‘очень быстро’). Функционально-семантический анализ корпусного материала позволил выявить дополнительные значения некоторых слов, например, усиливающее значение слова *одоол*, а также пролить свет на частеречную принадлежность некоторых слов.

Ключевые слова: бурятское языкознание, категория интенсивности, лексические интенсификаторы, функционально-семантический подход, части речи, наречия, мотивированные наречия

I. Введение. Интенсивность – это самостоятельная лингвистическая категория, имеющая свое специфическое содержание и средства выражения, однако в бурятском языкознании исследование этой категории находится в самом начале пути. Цель настоящего исследования – анализ лексических средств, принадлежащих разным частям речи, объединенных функцией выражения интенсивности в бурятском языке. Задачи исследования: определить круг слов, способных выступать в качестве интенсификаторов; рассмотреть способы образования мотивированных наречий-интенсификаторов в бу-

рятском языке; выявить новые значения слов, способных выступать в функции интенсификаторов, прояснить некоторые спорные вопросы об их частеречной принадлежности.

Актуальность тематики статьи обусловлена тем, что интенсивность является важнейшей семантической категорией, которая широко задействована на всех уровнях языка: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом. Категория интенсивности в бурятском языке ранее не выделялась, имеются лишь описания отдельных ее аспектов, что вызывает необходимость ее изучения. Лексические интен-

сификаторы, представленные в бурятском языке наречиями, прилагательными, глаголами, существительными, числительными, местоимениями, частицами, нуждаются в описании, систематизации и семантическом анализе.

В отечественной лингвистике семантическая категория интенсивности и средства ее выражения рассматривалась в трудах И.И. Туранского, Н.А. Лукьяновой, И.И. Убина, Е.И. Шейгал и др. В «Проблемах функциональной грамматики» имеется раздел, посвященный семантике интенсивности и ее выражению в русском языке [Родионова, 2005]. Среди работ, вышедших сравнительно недавно, можно отметить исследования, посвященные интенсификаторам в английском языке [Безрукова, 2004], роли интенсивности в художественном тексте [Gulyamova, 2021], межъязыковым сопоставлениям [Дамянова, Маринова, 2015], описанию тенденций развития лексических интенсификаторов в новейший период [Сандакова, 2020], эмотивным интенсификаторам [Берестенев, Васильева, 2016] и др.

Среди работ по бурятскому языкознанию, рассматривающих интенсивность в качестве самостоятельной языковой категории, можно назвать лишь работу Ч.С. Цыбеновой, в которой дан краткий анализ усилительных наречий и некоторых глагольных форм и частиц со значением усиления [Цыбенова, 2020]. В «Проблемах новой академической грамматики бурятского языка» категория интенсивности хотя и не выделяется в качестве самостоятельной категории, однако при описании наречий меры и степени указывается, что они «объединяют в своем составе не однородную по своему содержанию группу слов. Одни из них близко соприкасаются с частицами, другие – с числительными и глаголами». Рассматриваются случаи адвербиализации и конверсии различных частей речи [Шагдаров, 2013: 162].

Относительно семантики данной категории ученые делают вывод, что категория интенсивности передает отношение говорящего к событиям и явлениям, является средством языковой оценки говорящим каких-либо характерных признаков [Туранский, 1990: 34]. Категория интенсивности также определяется как качественно-количественная категория, «занимающая срединное положение между полями качественности и количественности (пересекаясь и с тем,

и другим)» [Бондарко, 2001: 21]. Причем интенсивность связана не с любой количественной характеристикой предмета или явления, а только с такой, которая указывает на отклонение от «нормальной» меры [Лукьянова, 1986: 56]. Кроме того, уровень количественного изменения признака происходит в пределах меры, не влечет за собой изменения качества [Безрукова, 2004: 3].

Наиболее характерным признаком интенсивности исследователи называют ее прагматический характер. Для категории интенсивности важна «субъективная значимость для участников ситуации данного увеличения количества признака» [Родионова, 2004: 303]. Интенсивность близка с экспрессивностью, которая позволяет говорящему усиливать эмоциональное воздействие на собеседника. Это усиление достигается благодаря интенсификации, которая выражает не объективно высокую степень признака, а субъективное представление говорящего об этой мере как значительно отличающейся от нормальной [Лукьянова, 1986: 56–57]. Таким образом, под интенсивностью в самом широком смысле понимается количественное изменение признака, ее отличительной чертой является прагматический характер и наличие экспрессивного компонента [Егорова, 2009: 224].

Ведущая роль в системе средств выражения интенсивности принадлежит лексическим средствам, причем задействованными оказываются слова нескольких классов. В силу этого возникает необходимость подробного исследования лексического уровня, анализа слов разных классов, передающих значение интенсивности [Бельская, 2004: 203].

По мнению С.Е. Родионовой, центральной семантической составляющей интенсивности является слово *очень*, а также близкие к нему слова, выражающие предельную величину признака при помощи слов *абсолютно*, *совершенно*, которые находятся на периферии поля интенсивности [Родионова, 2005: 153–154].

Количественная градация признака может идти как в сторону возрастания, так и в сторону убывания степени его проявления. Ю.Л. Воронников приводит ряд наиболее типичных наречий, характеризующих ту или иную степень проявления признака, которые сведены к трем бинарным оппозициям: большая (*очень*) – не-

большая (*чуть-чуть, немного*) степени, полная (*совсем, совершенно*) – неполная (почти) степени, достаточная (*вполне, достаточно*) – недостаточная (*недостаточно, мало*) степени. И вне противопоставления чрезмерная степень (*слишком*) [Воротников, 2003: 198].

Интенсификацию мы понимаем как усиление семантики, в отличие от некоторых исследований, рассматривающих интенсификацию и как усиление, и как ослабление семантики слов. Поскольку нас интересует увеличение признака, то в поле нашего рассмотрения будут степени большая (*очень*), полная (*совсем, совершенно*), чрезмерная (*слишком*) и в некоторых случаях достаточная (*вполне*).

Следует отличать интенсификаторы от интенсификатов – слов, имплицитно содержащих сему интенсивности, например: *аадар* ‘ливень’, *абарга* ‘огромный, колоссальный’, *агуу* ‘великий’, *гайтай* ‘из ряда вон выходящий, бедовый, озорной’, *гайхамшагтай* ‘изумительный, чудесный’, *хүхихэ* ‘сильно радоваться, ликовать’. Интенсификаторы же выражают усиление эксплицитно, например: *ехэ бороо* ‘сильный дождь’, *эгээл ехэ* ‘самый большой’, *аргагүй баярлаха* ‘сильно радоваться’.

Теоретическая значимость. Работа вносит вклад в развитие функционально-семантического подхода к исследованию категории интенсивности. Анализ средств выражения интенсивности в бурятском языке способствует более глубокому пониманию специфики реализации данной категории в речи.

Практическая значимость. Данная работа может быть полезна при решении практических задач перевода текстов с русского на бурятский и наоборот, при создании толковых словарей бурятского языка, в разработке методики преподавания бурятского языка.

II. Материалы и методы. Источниками исследования послужили русско-бурятские и бурятско-русские словари, художественные тексты из Корпуса бурятского языка¹, наблюдения за живой разговорной речью. В работе использовались описательный метод, методы семантического и контекстного анализа.

III. Результаты. В бурятском языке имеется целый разряд непрямых усилительных наречий типа *тон, дан, аяар*, описанных в Грамматике бурятского языка [Грамматика, 1962: 294–295], и позднее более подробно Л. Д. Шагдаровым в числе наречий меры и степени [Шагдаров, 2013: 160–164]. Эти наречия аналогичны наречию *очень* в русском языке или *very* в английском языке, то есть частично или полностью утратили свое лексическое значение и выполняют служебную роль, усиливая семантику связанных с ними лексических единиц. Эти слова не обладают в полной мере категориальными признаками наречий: не имеют степеней сравнения, не могут иметь определений, выраженных другими наречиями. Например: *тон ондоо* ‘совсем другой’, *балай хайханаар* ‘чрезвычайно красиво’. *Би нэгэ угаа зохид газар мэдэхэб!* ‘Я знаю одно очень хорошее место!’ (Ц. Цырендоржиев «Алтанай болзор», 2007)².

Из собственно наречий, выступающих в функции интенсификаторов, но в определенной степени сохраняющих свое лексическое значение можно упомянуть наречие *хайса* ‘хорошо, как следует’: *хайса мэдэхэ* ‘хорошо знать’, *хайса амархан* ‘хорошо отдохнувший’; *...хайса заажжа, ойлгуулжа үгэхэ хэрэгтэй* ‘...нужно как следует показать, объяснить’ (Х. Намсараев «Эдиршүүд», 1949).

Анализ корпусного материала позволил выявить дополнительные значения некоторых слов, которые могут использоваться в роли интенсификаторов. Так, наречие *одоол* ‘наконец-то, теперь-то уж...’ в сочетаниях с эмотивными прилагательными имеет явно усилительный смысл:

Эгээл эндэ малтагты. Одоо таатай зохид газар байха. ‘Копайте именно здесь. Это будет самое лучшее место’ (М. Осодоев «Заха холын заямхада», 1975).

Одоол аягүй юмэ болохо байна гээшэ ‘Собирается произойти что-то очень неприятное’ (Х. Намсараев «Эдиршүүд», 1949).

1991 оной августын 28. *Одоол баяртай!* ‘28 августа 1991 года. Очень рад!’ (Ц. Цырендоржиев «Галдан Захаровай дэбтэр», 2006).

¹Бурятский корпус. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 14.02.2022)

²Здесь и далее указанные литературные источники на бурятском языке взяты из Корпуса бурятского языка.

Однако в Бурятско-русском словаре в переводе данного слова никак не отмечена его способность функционировать в качестве усилительного наречия.

Помимо производных усилительных наречий, в роли интенсификаторов выступают другие части речи: имена прилагательные, числительные, местоимения, глагольные формы и др. В зависимости от слова, к которому они относятся, они могут принимать категориальные признаки наречий.

Прилагательные. Некоторые прилагательные в препозиции к прилагательным, существительным и наречиям с качественно-оценочной семантикой, а также к глаголам приобретают значение интенсификаторов. Как известно, для монгольских языков характерна синкретичность основ, то есть различия между частями речи не выражены формально. В зависимости от главного слова, к которому они относятся, эти прилагательные могут приобретать признаки наречий.

Анализ материала из Корпуса бурятского языка выявил, что наиболее частотным и универсальным интенсификатором в бурятском языке является слово *ехэ* 'большой', которое в функции наречия-интенсификатора переводится 'очень'. Частотность его употребления составляет практически треть всех случаев употребления интенсификаторов, оно может усиливать значение практически любых частей речи: *ехэ хэрэгтэй* 'очень нужный', *ехэ амжалтайгаар* 'очень успешно', *ехэ мэхэ* 'большой обман', *ехэ уурлаха* 'сильно сердиться'. *Шинии хүрээжэ ерэнхэндэ ехэ баяртай байнаб...* 'Я очень рад, что ты приехал...'

Прилагательное *һөөл* 'замечательный, исключительный', употребляясь в позиции перед прилагательным или наречием, также становится интенсификатором, его употребление в этой функции весьма частотно: *һөөл баяртай* 'чрезвычайно радостный', *һөөл уйдхаратайгаар* 'очень печально'. *Һөөл аягүй юмэн болоод байна* 'Произошло очень неприятное событие' (С. Цырендоржиев «Ондоо бодол байхагүй», 1977). Однако в словаре [БРС II: 562] это слово трактуется как усилительная частица со значением 'очень, весьма'. На наш взгляд, это тот случай адвербиализации, когда прилагательное определяет наречие или действие и приобретает признаки наречий.

Мотивированные интенсификаторы часто образуются от эмотивных прилагательных или причастий. Такие интенсификаторы не только указывают на высокую степень признака или качества, но и передают эмоциональное состояние говорящего и его эмоциональное отношение к высказываемому. В функции интенсификатора эти прилагательные практически утрачивают свою лексическую семантику и лишь выполняют функцию усиления семантики слова, к которому относятся. Например: *гайхалтай* 'удивительный' (*гайхалтай тунгалаг* 'удивительно прозрачный'), *гайтай* 'необычайный, выходящий из ряда вон' (*гайтай хортойгоор ёгтолбо* 'насмехался страшно ядовито'), *жэгтэй* 'странный, необыкновенный' (*жэгтэй һонин* 'чрезвычайно интересный').

Как отмечает Д.В. Герасимов вслед за В.А. Плунгяном и Е.В. Рахилиной, слова с семантикой негативных эмоций, особенно страха, часто становятся источником появления интенсификаторных слов, ср. в русс. яз. *жуткий*, *до ужаса* и др. [Герасимов, 2016: 337], в английском языке *terribly*, *horribly* 'ужасно'. В этом смысле бурятский язык не является исключением, прилагательные типа *аймшагтай* 'ужасный', *айхабтар* 'страшный', *муухай* 'грязный, некрасивый', *бузар* 'ужасный', *галзуу* 'бешеный, сумасшедший' и др. активно используются в речи для усиления смысла: *Газаа муухай хүйтэн* 'На улице очень холодно'.

Удаань галзуу шангаар эйхэрэн тооһороод, һалхин буушаба. 'После этого с сумасшедшим свистом, подняв пыль, налетел ветер' (С. Доржиев «Байгалай басаган»).

Бодоод, үшөө нам тээшэ бузар муухайгаар иэртээ. 'Поднявшись, все еще очень злобно сверлил меня глазами' (С. Ангабаев «Голой эрьедэ», 1966). В данном предложении глагол *иэртэхэ*, содержащий имплицитную сему усиленного значения 'пристально смотреть, следить, не спуская глаз', получает дополнительное усиление при помощи эксплицитного интенсификатора.

Когда эмотивные слова выступают в функции интенсификаторов, они теряют свое отрицательное значение, поэтому становятся возможными словосочетания типа *муухай гоё* 'страшно красивый'.

Сэбэр сэдхэлэй айхабтар дулаахан ульһатайгаар, тон мээхэйгээр нэрэнь хэлэгдэн,

дурлалай хүбшэргэй дайран гарахаар дуулдаа хаям 'Его имя прозвучало очень нежно, с неимоверной (досл. страшной) теплотой, исходящей от чистой души, что задело струны любви' (Ч. Цыдендамбаев «Түрэл нютагһаа холо», 1958).

Некоторые прилагательные цветообозначения, утрачивая свое значение, могут выступать в роли интенсификаторов. Однако круг слов, с которыми эти слова сочетаются, ограничен, образуемые словосочетания можно отнести к фразеологическим сочетаниям. Например:

– *хара* 'черный' (*хара эртэ* 'очень рано', *хара багаһаа* 'с очень ранних лет'): *Харин хэнэйтнайшьеб найдал, этигэл баһал шигэжэ мэхэлэгдээд, сэдхэлыетнай хара уйдхар эзэлэн мэрэжэ, тамалхадаашье болохол.* 'Однако если чьи-либо ваши надежды будут так же обмануты, вашей душой тоже может овладеть глубокая (досл. черная) печаль, которая будет грызть и мучить вас' (К. Цыденов «Бусахал даа хабар», 1964);

– *улаан* 'красный' (*улаан гол* 'самое существенное', *улаан энеэдэн* 'сильный продолжительный смех'): *Үнэхөөрөөшье, мүнөө уни заяанай үзэгдөөгүй улаан ган болобо.* 'Действительно, наступила давно невиданная сильнейшая (досл. красная) засуха' (Ц.-Ж. Жимбиев «Урасхал», 1973–1976). *Тишгээд лэ, улаан зун дунда хахархай хүдэһэн дэгэлтэй, хүл нюсэгэн ... амитан ябаһыемни мэдэхэ хаямта даа* 'И вот, вы ведь знаете, что в самый разгар лета (досл. красное лето) я ходил в рваной овчиной шубе и босиком...' (Х. Намсараев «Үүрэй толон», 1959);

– *хүхэ* 'синий' (*хүхэ бороо* 'сплошной дождь', *хүхэ хаарташан* 'заядлый картежник'): *Хүхэ архиншан, – гээд, Толстой нюураа уришылгаба. – Хаарташан.* 'Конченный (досл. синий) пьяница, – сказал Толстой и поморщился. – Картежник' (Б. Санжин, Б. Дандарон «Заяанай зам», 1966).

Использование названий цветов (колористики) в функции интенсификаторов не является особенностью бурятского языка. Подобные способы имеются и в других языках, ср.: в русском языке *тоска зеленая*.

Прилагательные, образованные при помощи отрицательного аффикса *-гүй*, часто используются в качестве наречий-интенсификаторов. Обычно в этой функции используются слова, которые в сочетании с отрицательным аффиксом выражают значение отрицания вмести-

сти, разумности, границ и т.п., например: *аргагүй* 'прил. невозможный, безвыходный; нар. исключительно, очень' (*арга* – средство, способ), *хэмгүй* 'безмерно, чрезвычайно' (*хэм* – мера, размер), *олиггүй* 'прил. бестолковый, плохой; нар. очень' (*олиг* – пригодность, хорошее качество), *ушаргүй* 'прил. беспричинный, нар. весьма, чрезвычайно' (*ушар* – случай, причина), *ухаангүй* 'исключительно, безумно' (*ухаан* – ум). Переходя в разряд интенсификаторов, эти наречия частично теряют свой смысл, например: *Хэмгүй ехэ ноён болобо гээшэ гүйш?* 'Думаешь стал очень большим начальником?' (Ц. Шагжин «Байгалай дуун», 1987). *Минии Дэжэдтэ тэрэши ухаангүй дуратай байгаал* 'Он очень сильно любил мою Дэжэд' (В. Гармаев «Гаржаамын таабари», 1992). *Досоонь аргагүй баяртай.* 'На душе у него очень радостно' (Д. Эрдынеев «Энэ наһан», 1968).

Имеется достаточно большое количество наречий с отрицательным аффиксом *-гүй*, которые утратили свое употребление в неотрицательном варианте и представляют собой застывшую словоформу с усилительным смыслом, например: *баггүй* 'непомерно, чрезвычайно', *түрбэлгүй* 'чрезвычайно', *уйгаргүй* 'очень, весьма', *заатагүй* 'непрерывно' и др. Все они содержат в своем значении сему «очень» и не всегда сохраняют отрицательный смысл при переводе на русский язык: *баггүй ехэ* 'чрезвычайно большой', *уйгаргүй ута* 'очень длинный'.

Причастия настоящего-прошедшего времени с отрицанием также могут выступать в роли интенсификаторов: *мэдэгдээгүй* 'невиданный', *үзэгдөөгүй* 'невиданный', *дуулдаагүй* 'неслышанный' и др. *Тэрэ үедэл баяд ноёдые баһажа дуулаха гээшэ үзэгдөөгүй ехэ гэм хэһэндэ сэгнэгдэдэг байгаа бшуу.* 'Ведь в те времена петь песни, высмеивающие богачей и начальников, считалось невиданно большим преступлением' (Д. Эрдынеев «Хүлэг инсагаална», 1974).

Особенностью наречий, производных от прилагательных и причастий, является наличие так называемой нулевой формы, образуемой присоединением к основе аффикса *-аар*. Эта форма, которая употребляется в том случае, когда наречие относится к глаголу и определяет действие, синонимична нулевой форме данного наречия: *ехэ айха* = *ехээр айха* 'сильно бояться'. Приведем примеры:

– *hөөл – hөөлөөр*: *Нютаг зоноо юун hөөлөөр муушална гээшэбиш?* ‘Что же ты так отчаянно порочишь свой народ?’ (Д. Эрдынеев «Хүлэг инсагаална», 1974).

– *хэтэрхэй – хэтэрхэйгээр*: ... *хэтэрхэйгээр шангалхан дээрэнээн би өөрөөшье мурөө алдажа, буруу ябадал хэн алдахан байнаб.* ‘... из-за того, что очень сильно давили, я и сам, сбившись с пути, чуть не сделал неверный шаг’ (Ц. Дон «Хиртэһэн нара», 1932).

Деепричастие. Некоторые формы деепричастий, имея значение предельности выражаемого ими действия, могут выступать в функции наречия-интенсификатора при глаголе. Например, деепричастие степени действия, образующееся при помощи аффикса *-хыса (-хысо, -хысэ)* и обозначающее крайнюю степень проявления какого-либо действия [Грамматика, 1962: 292]. Например: *Тишхэдэнь полици аманда орохысо хараажа байжа, гараараа занган, тэндэһээ үлдэбэ.* ‘Тогда, ругая полицию что было мочи, выгнал их оттуда, указав рукой’ (Х. Намсараев «Үүрэй толон», 1959). В виде повтора может использоваться для усиления признака, выраженного этим же словом в форме причастия, например: *ябахыса ябаһан* ‘хоже-ный-перехоженный’.

Форма деепричастия на *-са (-со, -сэ)* имеет аналогичное значение: *ялайса угааха* ‘отмыть до блеска’. *Абьягүй бай! – гээд орон дээгүүрнь мухариса түлхижэрхинэ.* ‘Сказал: «Замолчи!», – и толкнул его так, что тот упал на кровать’ (Х. Намсараев «Үүрэй толон», 1959).

Деепричастие предела на *-тар (-тэр, тор)* указывает на предельность проявления признака или действия: *үхэтэрөө энээхэ* ‘смеяться до упаду (досл. до смерти)’. *Хожом нанишалдахаяа болёоб гэтэрнь ёборхоёо яагааб!* ‘Надо было ударить так, чтоб отбить охоту драться в будущем (досл. пока не скажет, что больше не будет драться)’. (С. Цырендоржиев «Хүргэнэйдөө», 1977).

Числительное. В бурятском языке некоторые числительные могут терять свое значение и обозначать неопределенную множественность, переходя при этом в разряд усилительных наречий. В качестве таких числительных часто используются по отдельности и в сочетании друг с другом: *табан* ‘пять’, *долоо* ‘семь’, *далан* ‘семьдесят’, *зуу* ‘сто’, *мянган* ‘тысяча’, *түмэн* ‘десять

тысяч’ и др.: *олон табые дуугарха* ‘очень много говорить (досл. много раз по пять)’.

... *эдэ үхибүүдынь хамһалсаха, туһалхашье гэжэ бодохогүй, далан долоо хэлүүлжэл байха, залхуурха...* ‘...дети его и не думают ему помогать, заставляют много раз (досл. семьдесят семь) просить, ленятся...’ (Д. Эрдынеев «Хүлэг инсагаална», 1974).

Би эндэ ерэхээр шини нэрые зуу дахин дуулаһан байнам. ‘С тех пор как я приехал сюда, много раз (досл. сто раз) слышал твое имя’ (Ц. Дон «Брынзын санха», 1935).

Халуунай дала мянган аляһадай дүүехэ хашартай болоно. ‘Жужжание огромного количества (досл. семидесяти тысяч) знойных мух утомляет’ (Ч. Цыдендамбаев «Банзарай хүбүүн Доржо», 1953).

Местоимения. Местоимения *ямар* ‘как, какой’, *шимэ, тшимээ* ‘так, такой’, *хэды* ‘сколько’, *яһан* ‘как, какой’ также могут выступать в роли интенсификаторов. В этой функции они теряют свое значение вопросительности или указательности, а выражают субъективное отношение говорящего, оценку и полноту проявления признака. Например:

Тимэ муухай тама бурханайшые ном соо бэшэгдээгүй байха ‘Такой страшный ад не описан даже в божественных книгах’ (Б. Мунгонов «Хара халхин», 1971).

Иимэ залхуу хүниие хараа һэн гүт? ‘Доводилось видеть такого ленивого человека?’ (Б. Мунгонов «Хара халхин», 1971).

Хэды олон бэрхэ һайн хүнүүд алуулааб! ‘Как много хороших людей было убито!’ (Б. Мунгонов «Хара халхин», 1971).

Яһан хашартайб ‘Какой же надоедливый!’

Существительные в препозиции к качественному прилагательному могут также усиливать его значение. Усиление признака происходит за счет сравнения, при котором качественное прилагательное сочетается со значением существительного, например: *сүн / һүн сагаан* ‘белый, как молоко’, *шулуун хатуу* ‘твердый, как камень’, *шуһан улаан* ‘красный, как кровь’, *мүльһэн хүйтэн* ‘холодный, как лед’. *Алдарай гэнтэ хүрэхэ бодошоходо, Тунгалаг залд гэн, хөө харахан нюдөө ялас гүүлээдхёо һэн.* ‘Когда Алдар вдруг резко вскочил, Тунгалаг вздрогнула и сверкнула своими чернущими, как уголь глазами’ (Ц.-Д. Хамаев «Найдал», 1967).

Более выраженная интенсификация значения происходит при присоединении к прилагательному существительного, в котором отсутствует образное сравнение: *мяхан hogту* ‘вдребезги пьяный’, *нохой hoxop* ‘совсем недалновидный (досл. собака-слепой)’ и др. По мнению Л.Д. Шагдарова, эти слова являются относительными прилагательными, которые в этой функции приобретают качественное значение и употребляются с синонимичными качественными прилагательными [Шагдаров, 2013: 121].

Как это часто бывает с часто используемыми лексическими средствами, усилительное значение интенсификаторов может становиться привычным, недостаточно выразительным, поэтому появляются случаи удвоенной интенсификации, когда усиливается уже усиленный признак: *тон ехэ баяртай* ‘очень сильно рад’, *айхабтар ехэ хэрэг* ‘чрезвычайно важное дело’. *Юундэб гэхэдэ, тэрэ Аюрай урда хэлэшэгүй ехэ зэмэтэй юм*. ‘Потому что я перед этим Аюром очень сильно виноват’ (Ц.-Ж. Жимбиев «Урасхал», 1973–1976).

Усиление значения уже имеющегося интенсификатора может достигаться и путем присоединения к нему частиц *-л, лэ*, например: *ехэ + л: Иимэ олон хүн хамтаршоод, эндэ нуугаа хадаа ехэл хэрэгтэй, ехэл хонин юумэ бэээ даа* ‘Раз уж здесь собралось столько много народу, значит это очень нужное, очень интересное дело’ (Ч. Цыдендамбаев «Түрэл нютагһаа холо», 1958).

Частицы *-л, лэ* не обязательно используются для усиления уже имеющихся интенсификаторов, они также играют усиливающую роль самостоятельно, например: *Һайн лэ поэт болохо...* ‘Станет очень хорошим поэтом...’ (Б. Шойдиков «Дайсанай ара талада», 1995). Эта частица является полифункциональной, однако одним из основных ее значений является усиление.

В пределах одного предложения могут усиливаться несколько признаков, что усиливает экспрессивность высказывания. Многообразие наречий-интенсификаторов позволяет полнее выразить эмоционально-оценочное суждение и избежать повторов при перечислении однородных членов с высокой степенью проявления качества, например: *Нацагдорж «һабагүй ехэ ухаатай, дан зөөлэн абари зантай, уян нимгэн сэдхэлтэй...үнэншэ шударгы, юрэдөөшье һайрхуу бэшэ хүн байһан юм»* ‘Нацагдорж «был

человеком с безгранично большим умом, очень мягким характером, тонкой душой ... честный и абсолютно незаносчивый’ (Л. Балдан «Монголой уран зохёол», 2006).

IV. Обсуждение. Проведенный функционально-семантический анализ лексических средств выражения интенсивности в бурятском языке касался слов, эксплицитно выражающих значение усиления, то есть таких слов, которые, употребляясь в препозиции к другим словам, обозначающим предмет, признак или действие, усиливают их значение. Собственно наречия-интенсификаторы, непроизводные с современной точки зрения, в работе практически не затронуты, основное внимание уделено усилительным словам, образованным от других частей речи.

На материале примеров из Корпуса бурятского языка было установлено, что в функции интенсификаторов могут употребляться слова практически всех частей речи: эмотивные прилагательные, часто с отрицательным значением (*гайхалтай* ‘удивительный / удивительно’, *аймшагтай* ‘страшный / страшно’), прилагательные цветообозначения (*хара уйдхар* ‘сильная тоска’), прилагательные, образованные от существительных и причастий при помощи отрицательного аффикса *-гүй* (*аргагүй* ‘невозможный, исключительно’, *үзэгдөөгүй* ‘невиданный/-о’); депричастия степени (*шадахыса* ‘со всей мочи’) и предела (*унатар* ‘пока не упадет’); числительные, обозначающие неопределенную множественность (*дала мянган* ‘очень много (досл. семьдесят тысяч)’); местоимения (*ямар һайхан* ‘какой хорошенький’); существительные, которые в высокой степени обладают указанным признаком, сравнение с которыми указывает на его интенсивность (*шулуун хатуу* ‘твердый как камень’); частица *л / лэ*, как самостоятельно, так и усиливая другой интенсификатор (*ехэл гоё байна = гоёол байна* ‘очень здорово’).

Функционально-семантический анализ позволил выявить новые значения некоторых слов, например, усилительное значение слова *одоол*, которое в словаре не указано, а также установить частеречную принадлежность слов, относительно которых нет четкой позиции в словарях и грамматиках, например, слово *һөөл* ‘замечательный исключительный’, употребляясь в функции интенсификатора, приобретает характеристики

наречия аналогично другим прилагательным в этой функции, однако в словаре оно обозначено как усилительная частица [БРС II: 562].

Как отмечалось выше, категория интенсивности ранее не выделялась в бурятском языке. В грамматике бурятского языка об усилительных словах упомянуто лишь в описании усилительных наречий в составе наречий образа действия [Грамматика, 1962: 294]. Более подробно данная группа слов рассмотрена в работе Л.Д. Шагдарова. Слова с усилительным значением автор рассматривает в качестве наречий меры и степени, которые могут быть мотивированы словами других частей речи. Автор указывает, что существительные, прилагательные или глагольные формы в этой функции теряют свои категориальные признаки и переходят в разряд наречий [Шагдаров, 2013: 163]. При этом сочетания наречия с интенсификатором типа *дан гоёор* 'чересчур красиво' рассматриваются им как наречия, образованные посредством словосложения, не выделяя при этом наречие-интенсификатор в качестве самостоятельного слова [Шагдаров, 2013: 161]. Нам представляется, что наречия в подобных сочетаниях носят самостоятельный характер, первое из них является интенсификатором, который может усиливать не только наречие, но и значение, выраженное существительным, прилагательным или глаголом, второе же является собственно наречием.

Перспектива дальнейших исследований данной категории видится в изучении других способов интенсификации, которые не ограничиваются лексическими средствами, это могут быть и фразеологизмы, а также синтаксические и фонетические средства. Как указывалось выше, исследованием практически не затронуты производные усилительные наречия, которые также нуждаются в описании и изучении. Кроме того, интенсификация – это только одна сторона процесса, противоположное значение – ослабление признака или действия и средства его выражения в бурятском языке – также ожидает своего исследования.

V. Заключение. Таким образом, лексические средства выражения интенсивности в бурятском языке в основном представлены наречиями, производными от различных частей речи, а также прилагательными. В данной статье мы практически не касались производных усили-

тельных наречий, им будет посвящено самостоятельное исследование. Усилительный смысл приобретают знаменательные слова, выраженные прилагательными (чаще всего эмоционально насыщенными, выражающими как положительные, так и отрицательные эмоции), прилагательными, образованными при помощи отрицательной частицы *-гүй*, некоторыми формами деепричастий и причастий, числительных, существительных.

Анализ материала из Корпуса бурятского языка позволил выявить дополнительные значения некоторых слов, например, усилительное значение слова *одоол*. Функционально-семантический подход позволяет пролить свет на вопрос частеречной принадлежности некоторых слов, например слово *һөөл*, обозначенное в словаре как частица, имеет характеристики, близкие к наречию-интенсификатору.

Перспективы дальнейшего исследования данной категории мы видим в более глубоком исследовании лексических средств ее выражения. Это позволит выявить их дополнительные значения, которые должны быть отражены в различных лексикографических изданиях и учтены при составлении грамматик и пособий бурятского языка.

Список литературы:

Безрукова В.В. Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи на материале английского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 23 с.

Бельская Е.В. Проблемы интенсивности в современной отечественной лексикологии // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 202–210.

Берестнев Г.И., Васильева И.Б. Эмотивные интенсификаторы английского и русского языков: от типологии номинаций к когнитивным установкам // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 1 (383). Филологические науки. Вып. 99. С. 21–32.

Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 260 с.

Воротников Ю.Л. Имплицитная мера признака в русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность/вариативность. СПб: Наука, 2003. С. 190–205.

Герасимов Д.В. Интенсификатор "до ужаса" в русском языке на пути грамматикализации // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2016. Т. 12. № 1. С. 336–363.

Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 340 с.

Дамянова Х., Маринова Н. Функционально-семантическая категория интенсивности в русском и болгарском языках // *Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков*. 2015. № 9. С. 85–103.

Егорова В.Н. К вопросу определения интенсивности в современном языкознании // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2009. № 6 (2). С. 224–226.

Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск: Наука, Сиб. отдние, 1986. 230 с.

Родионова С.Е. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // *Славянский вестник*. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 300–313.

Родионова С.Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // *Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры* [Отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик]. СПб: Наука, 2005. 478 с.

Сандакова М.В. Тенденции развития класса лексических интенсификаторов в русском языке новейшего периода // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2020. № 4. С. 217–226.

Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высшая школа, 1990. 173 с.

Убин И.И. Лексические средства выражения категории интенсивности (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. 33 с.

Цыбенова Ч.С. Средства выражения категории интенсивности в бурятском языке // *Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура*. 2020. Вып. 4. С. 92–97.

Шагдаров Л.Д. Проблемы новой академической грамматики бурятского языка (имя существительное, имя прилагательное, наречие, послелог, модальные слова, слова категории состояния, изобразительные слова). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 192 с.

Шейгал Е.И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 26 с.

Gulyamova O. The Role of the Intensity Category in the Implementation of Artistic Opposition. O. Gulyamova. In: *Bulletin of Science and Practice*. 2021. Vol. 7. № 7. Pp. 433–436.

Словари

БРС I – Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Буряад ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Т. I. А-Н. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. 708 с.

БРС II – Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Буряад ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Т. II. О-Я. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. 708 с.

References:

Bel'skaja E.V. Problemy intensivnosti v sovremennoj otechestvennoj leksikologii [Intensity problems in modern Russian lexicology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University]. 2004. № 282. Pp. 202–210. (In Russian)

Berestnev G.I., Vasil'eva I.B. Jemotivnye intensifikatory anglijskogo i russkogo jazykov: ot tipologii nominacij k kognitivnym ustanovkam [Emotive intensifiers of English and Russian languages: from typology of nominations to cognitive attitudes]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. 2016. № 1 (383). *Philological sciences. Issue 99*. Pp. 21–32. (In Russian)

Bezrukova V.V. *Intensifikacija i intensifikatory v jazyke i rechi na materiale anglijskogo jazyka* [Intensification and intensifiers in language and speech on the material of the English language]. *Avtoreferat dis... kandidata nauk* [Ph.D. thesis abstract]. Voronezh, 2004. 23 p. (In Russian)

Bondarko A.V. *Osnovy funkcional'noj grammatiki: Jazykovaja interpretacija idei vremeni* [Fundamentals of functional grammar: Linguistic interpretation of the idea of time]. Saint Petersburg: Publishing house of SPbSU, 2001. 260 p. (In Russian)

Damjanova H., Marinova N. Funkcional'no-semanticheskaia kategorija intensivnosti v russkom i bolgarskom jazykah [Functional and semantic category of intensity in the Russian and Bulgarian languages]. *Problemy kognitivnogo i funkcional'nogo opisanija russkogo i bolgarskogo jazykov* [Problems of the cognitive and functional description of the Russian and Bulgarian languages]. 2015. № 9. Pp. 85–103. (In Russian)

Egorova V.N. K voprosu opredelenija intensivnosti v sovremennom jazykoznanii [The intensity determining in modern linguistics]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky]. 2009. №6 (2). Pp. 224–226. (In Russian)

Gerasimov D.V. Intensifikator do uzhasa v ruskom jazyke na puti grammatikalizacii. [Intensifier till horror in the Russian language on its way to grammaticalization]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Research] .2016. Volume 12. № 1. Pp. 336-363. (In Russian)

Grammatika burjatskogo jazyka. Fonetika i morfologija [Grammar of the Buryat language. Phonetics and morphology]. Moscow: Eastern Literature Publ., 1962. 340 p. (In Russian)

Gulyamova O. The Role of the Intensity Category in the Implementation of Artistic Opposition. *Bulletin of Science and Practice*. 2021. Volume 7. № 7. Pp. 433-436. (In English)

Luk'janova N.A. *Jekspressivnaja leksika razgovornogo upotreblenija: problemy semantiki* [Expressive lexes of colloquial use: problems of semantics]. Novosibirsk: Science, Sib. division, 1986. 230 p. (In Russian)

Rodionova S.E. Intensivnost' i ee mesto v rjadu drugih semanticheskikh kategorij [Intensity and its place among other semantic categories]. *Slavyanskiy Vestnik* [Slavjaniian Bulletin]. Issue 2. Moscow: MAX Press, 2004. Pp. 300–313. (In Russian)

Rodionova S.E. Semantika intensivnosti i ee vyrazhenie v sovremennom ruskom jazyke [Semantics of intensity and its manifestation in modern Russian]. *Problemy funkcional'noj grammatiki: Polevye struktury* [Problems of functional grammar: Field structures. Edited by A. V. Bondarko, S. A. Shubik]. Saint Petersburg: Science, 2005. Pp. 150 - 168. (In Russian)

Sandakova M.V. Tendencii razvitija klassa leksicheskikh intensivnikov v ruskom jazyke novejshego perioda [Trends in the development of the class of lexical intensifiers in the Russian language of the latest period]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky]. 2020. № 4. Pp. 217-226. (In Russian)

Shagdarov L.D. *Problemy novoj akademicheskoi grammatiki burjatskogo jazyka (imja sushhestvitel'noe, imja prilagatel'noe, narechie, poslelogi, modal'nye*

slova, slova kategorii sostojanija, izobrazitel'nye slova) [Problems of the new academic grammar of the Buryat language (noun, adjective, adverb, postpositions, modal words, words of the category of state, figurative words)]. Ulan-Ude: Publ. of the BSC SB RAS, 2013. 192 p. (In Russian)

Shagdarov L.D., Cheremisov K.M. *Burjaad-orod toli. Burjatsko-russkij slovar'* [Buryad-Russian dictionary]. In 2 volumes. Volume I. Ulan-Ude: Republican print., 2010. 708 p. (In Buryat and Russian)

Shagdarov L.D., Cheremisov K.M. *Burjaad-orod toli. Burjatsko-russkij slovar'* [Buryad-Russian dictionary]. In 2 volumes. Volume II. Ulan-Ude: Republican print., 2010. 708 p. (In Buryat and Russian)

Shejgal E.I. *Intensivnost' kak komponent semantiki slova v sovremennom anglijskom jazyke* [Intensity as a component of word semantics in modern English]. Avtoreferat dis.... kandidata nauk [Ph.D. Thesis abstract of Candidate of Science]. Moscow, 1981. 26 p. (In Russian)

Tsybenova CH.S. Sredstva vyrazhenija kategorii intensivnosti v burjatskom jazyke [Means of expressing intensity in the Buryat language]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Jazyk. Literatura. Kul'tura* [Bulletin of the Buryat State University. Language. Literature. Culture] 2020. Release 4. Pp. 92–97. (In Russian)

Turanskij I.I. *Semanticheskaja kategorija intensivnosti v anglijskom jazyke* [Semantic category of intensity in English]. Moscow: Higher school, 1990. 173 p. (In Russian)

Ubin I.I. *Leksicheskie sredstva vyrazhenija kategorii intensivnosti (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov)* [Lexical means of expressing the category of intensity (on the material of Russian and English languages)]. Avtoreferat dis.... kandidata nauk [Ph.D. thesis abstract of Candidate of Science]. Moscow, 1974. 33 p. (In Russian)

Vorotnikov Ju.L. Implicitnaja mera priznaka v ruskom jazyke [Implicit measure of a feature in Russian]. *Problemy funkcional'noj grammatiki. Semanticheskaja invariantnost' ili variativnost'* [Problems of functional grammar. Semantic invariance or variability]. Saint Petersburg: Science Publ., 2003. Pp. 190-205. (In Russian)

Yu.D. Abaeva

Lexical Intensifiers in the Buryat Language

Scientific novelty. It is one of the first scientific researches of the category of intensity and the means of its expression in the Buryat language with functional and semantic approach. *The aim* of the study is a functional-semantic

analysis of lexical means of intensity. *Tasks*: establishing the semantic field of the category of intensity; identification and systematization of lexical means of expression included in the field of the category under study; identification of ways of formation and analysis of the meanings of words-intensifiers; solution of some controversial issues of part-of-speech attribution of words-intensifiers. *Research methods*: descriptive, semantic and contextual analysis.

Results. It was found that in the Buryat language the most frequently used intensifier is the adjective *ehe* 'big, very'. Other adjectives that frequently used as intensifiers are: emotive adjectives often with negative semantics (*muuhai goyo* 'terribly beautiful'); color naming adjectives (*hara* 'black' *bagahaa* 'from an early (lit. black) age', *hyhe* 'blue', *ulaan* 'red'); adjectives and participles with a negative affix *-gui* which gives the meaning of denial of reasonableness or boundaries (*argagui* 'very', *yzegdøøgui* 'unprecedented', 'unseen' (*yzehē* – to see). Other parts of speech also can play a role of adverbs-intensifiers: gerund of the degree of action with affix *-hysa, -sa* (*shadakhysa* 'with all my might', *yalaisa* 'till shine'), adverbs of the limit with affix *-tar* (*unatar* 'until it falls'); numerals expressing an indefinite plurality (*dala myangan alyaahan* 'many (lit. seventy thousand) flies'); pronouns (*yamar goyo* 'what a beautiful', *iime haihan* 'so nice'); nouns (*shuluun hatuu* 'hard as a stone'). The multifunctional particle *-l* or *le* can both enhance the meaning of intensifiers (*ehe-l amzhaltatai* 'very successful') and act as an amplifier on its own (*tyrøør le* 'very quickly'). The functional-semantic analysis of the corpus material allowed to reveal additional meanings of some words, for example, the intensifying meaning of the word *odool*, as well as to shed light on the part-of-speech attribution of some words.

Keywords: Buryat linguistics, category of intensity, lexical intensifiers, functional-semantic approach, intensifying adverbs, motivated adverbs